
МАРА МАРЛОУ
МАЖОР
ПОСПОРИЛ
НА МЕНЯ
18+

Мара Марлоу
Мажор поспорил на меня

https://litres.ru/74861007
SelfPub; 2026

Аннотация

Он поспорил, что я первой скажу ему «люблю». Я даже не знала, что участвую в игре. Савва Корин — богатый, наглый и совершенно уверенный, что любую женщину можно просчитать. Я — реставратор, которая остановила стройку его роскошного отеля, передарила его цветы и несколько раз объяснила, куда именно он может отправиться со своими деньгами. В наших отношениях есть только одна проблема. За день до нашей встречи мы уже целовались. В полной темноте. Он не видел моего лица. Я не назвала своего имени. А теперь Савва пытается одновременно выяснить, почему я так его раздражаю, влюбить меня по условиям дурацкого спора и забыть женщину из «Ноля света». Жаль, он ещё не понял, что это одна и та же женщина. И что первым этот спор проиграет именно он.

Содержание

Глава 1. Ида. Ноль света 4
Глава 2. Савва. Женщина с рулоном 11
Глава 3. Савва. Самая плохая идея недели 17
Глава 4. Ида. Цветы для Валентины Петровны 22
Глава 5. Ида. Шесть метров самоуверенности 27
Глава 6. Савва. Голос 41
Глава 7. Ида. Завтрак, который не считается 52
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Мара Марлоу
Мажор поспорил на меня

Глава 1. Ида. Ноль света

Если человек говорит, что любит экспериментальное искусство, он либо врёт, либо ещё не попадал на закрытую вечеринку, где незнакомая женщина успевает оценить его фигуру раньше, чем прочитать имя на бейдже.

Меня оценили на восьмой минуте. Женщина в серебряном платье задержала взгляд на моей талии, потом на бёдрах и сообщила: «Смело для такого фасона». Я поблагодарила её выражением, после которого шампанское обычно теряет пузырьки, и пошла искать место, где никто не ведёт бухгалтерию чужого тела.

На двери одной из комнат значилось: «Ноль света».

Иммерсивная инсталляция обещала десять минут полной темноты. Телефоны оставляли в ячейках, внутрь запускали по одному или парами. Я отдала свой аппарат девушке в чёрном и предупредила: если со мной что-нибудь случится, переписку с матерью лучше удалить до приезда полиции. Девушка моргнула, но инструкции не записала. У современного искусства отвратительная служба безопасности.

За дверью исчез зал, музыка, лица и серебряное платье. Я

подняла ладонь к глазам и не увидела даже пальцев. Отлично. Впервые за вечер никто не мог решить, что мой размер нуждается в комментарии.

С зеркалом я давно договорилась. Мне нравились длинные ноги, тяжёлые тёмные волосы, талия, на которой портные начинали уважать математику, и широкие бёдра, из-за которых некоторые платья приходилось шить, а не искать. Неловкость появлялась в другом месте. Мужчины охотно хотели меня там, где не было свидетелей, а потом внезапно вспоминали о «типе девушки», которую удобно знакомить с друзьями, коллегами и родителями.

Хотеть меня им никогда не мешало. Выбирать — почему-то да.

Я прислонилась плечом к стене и решила провести оставшееся время без человеческого общества. Дверь открылась почти сразу.

— Здесь занято, — сообщила я.

Мужской голос отозвался из темноты: он не знал, что комнату можно бронировать. Голос был спокойный, низкий, с привычкой не спрашивать разрешения у пространства. Я сказала, что взяла темноту в ипотеку. Он уточнил ставку. На фоне людей из зала это уже считалось культурной программой.

Он двигался осторожно. По шагам я поняла, что остановился у противоположной стены. При обычном свете я успела бы разобрать его по деталям: обувь, часы, плечи, манеру

смотреть, реакцию на моё тело. Здесь оставались только голос и то, как он обращается с человеком, которого не может рассмотреть.

Он спросил, прячусь ли я.

— Отдыхаю от людей.

— Неудачно. Я тоже человек.

— Пока вы просто голос.

— Удобно.

— Для кого?

— Для обоих.

Я улыбнулась. Он это услышал и сказал, что я улыбаюсь. Я сразу перестала — не из стыда, а потому что мужчинам и без дополнительного оборудования и так досталось слишком много поводов для самомнения.

Через пару минут он спросил, можно ли подойти ближе. Я велела остановиться, когда между нами осталось два шага. Он остановился сразу. Наглость я умела отбивать почти автоматически; внимательность требовала сначала понять, что перед тобой именно она.

— Сколько? — спросил он.

— Два.

Первый шаг он сделал после паузы. Второй — только после моего «можно».

Его пальцы нашли мою руку. Не талию, не плечо, не ту область, которую некоторые мужчины считают общественным имуществом через пять минут знакомства. Пальцы. Он

спросил, нормально ли. Я ответила «да» и неожиданно почувствовала себя участницей эксперимента по собственному желанию, хотя обычно слово «эксперимент» в моей профессии означает, что кто-то решил сэкономить на обследовании.

Ладонь на талии появилась позже. Тело приготовилось к знакомой паузе раньше, чем я успела отругать себя за ожидание. Теперь он понимал объём моей фигуры на ощупь. Я знала эти микросекунды, когда мужчина пересобирает картинку в голове и решает, совпадает ли реальность с его фантазией.

Он притянул меня ближе.

— Я представлял вас иначе.

Я уже перенесла вес на пятку, собираясь отойти.

— Ниже, — добавил он. — По голосу.

Смех вырвался раньше раздражения. Меня злило, что облегчение вообще появилось, будто реакция незнакомца могла подтвердить что-то важное. Не могла. И всё же плечи расслабились.

Он не спросил имени и не начал перечислять собственные заслуги. Никакой должности, фамилии, машины, часов, прошлых драм и обещаний, что он «обычно так не делает». В темноте статус нельзя было предъявить вместо характера. Оставалось только слушать, где другой человек поставил границу.

Когда его ладонь прошла выше по моей спине, я сама положила руку ему на грудь. Под тканью пиджака чувствова-

лось тепло. Он чуть отстранился, освобождая мне место для отказа. Я не убрала ладонь.

С первым поцелуем вышло неловко. В полной темноте губы редко совпадают с первой попытки, если только у обоих нет рекламного контракта. Я задела уголок его рта, он тихо рассмеялся, и я велела не портить момент. Со второго раза мы нашли друг друга точно — и шутить мне резко расхотелось.

Он целовал медленно, будто и здесь ждал моего ответа после каждого движения. Сначала только губы. Потом его пальцы крепче сомкнулись на моей талии, и расстояние между нами исчезло. Я почувствовала тепло его тела сквозь платье и пиджак — слишком отчётливо для человека, которого даже не видела. В обычной жизни я спорила, контролировала, проверяла, исправляла чужие ошибки. Здесь требовалось только решать: ближе или дальше. Я выбрала ближе.

Я провела ладонью от его груди к плечу. Под пальцами была твёрдая линия мышц, ворот рубашки и пульс у шеи. Незнакомец вдохнул резче, но не перехватил мою руку и не направил её туда, куда хотелось ему. Это почему-то возбуждало сильнее любой самоуверенной инициативы.

Я сама потянула его за ворот. Второй поцелуй оказался глубже первого. Его ладонь скользнула по моей спине и остановилась на пояснице. Ниже — только после того, как я придвинулась ещё ближе. Моё тело, которое весь вечер рассматривали как предмет общественного обсуждения, внезапно

снова принадлежало только мне — вместе со всем желанием, которое в нём просыпалось.

До сигнала мы успели поговорить о вещах, которые проще сообщать человеку без лица. Он сказал, что работает. Я объяснила, что работа не считается хобби. На мой вопрос о профессии ответил уклончиво. Я свою назвала без компании и должности: восстанавливаю старые здания.

— Значит, профессионально мешаете людям сносить стены?

— Профессионально мешаю делать глупости дороже, чем нужно.

Он рассмеялся. Никаких историй про купленный исторический особняк, знакомого чиновника или семейную коллекцию антиквариата. В этой комнате любой социальный вес оставался снаружи вместе с телефоном.

Он спросил, всегда ли я так хорошо знаю, чего не хочу. Я ответила, что с этим у меня порядок; с желаниями приходится договариваться дольше. Его ладонь осталась на моей спине. Я взяла её за запястье и сама переместила ниже, туда, где хотела чувствовать. В темноте он выдохнул мне в губы. Я улыбнулась прямо в следующий поцелуй.

Сигнал окончания сеанса прозвучал именно тогда, когда мы оба могли бы забыть про десять минут.

Он отпустил меня первым.

— Кто ты?

Я нашла дверь на ощупь, остановилась у ручки и улыбну-

лась уже без возможности быть пойманной на этом.

— Сегодня тебе это не нужно.

За дверью вернулись свет, музыка, люди и их привычка всё классифицировать. Я забрала телефон, поправила платье и решила, что одна добровольная глупость на вечер — вполне допустимая норма.

На следующий день выяснилось, что нормы не входят в обязанности судьбы.

Глава 2. Савва. Женщина с рулоном

Я люблю системы по одной причине: если система работает, она не требует эмоционального участия.

В субботу в девять двенадцать проектный менеджер сообщил, что реставраторы остановили работы в северном крыле будущего флагманского отеля KORIN. Через две минуты финансовый директор прислал стоимость каждого дня задержки. В девять семнадцать отец ограничился одним словом: «Разберись».

К девяти двадцати я уже ехал на объект.

Северное крыло должно было приносить больше денег с квадратного метра, чем весь старый корпус до реконструкции. Дополнительные номера, панорамный ресторан, приватная зона для гостей, которые готовы оплачивать само слово «приватный». На пути стояла стена с историческим декором. Проектировщики называли её неудобной. Реставраторы — охраняемой.

Я ожидал седого профессора, способного сорок минут говорить о штукатурке без вдоха.

На втором ярусе лесов стояла женщина в рабочем комбинезоне. Под мышкой — рулон чертежей, в тёмных волосах — белая пыль. Она даже не посмотрела вниз, когда руково-

дитель участка назвал мою фамилию.

Ида Метельская.

Имя я уже видел в письмах подрядчика. Всё остальное пришлось выяснять лично, поднявшись к ней по лестнице. Высоты Метельская, судя по тому, как спокойно переступала между настилами, не боялась. Моё появление тоже не произвело ожидаемого эффекта.

Я представился. Она скользнула взглядом по каске с логотипом KORIN и вернулась к стене.

— Мне сказали, вы отказываетесь согласовать проект.

Метельская поправила перчатку и уточнила: она отказалась подписывать демонтаж защищённых элементов до обследования найденного слоя. Весь объект остановить она не могла и не пыталась. Но конкретную операцию подрядчик не имел права продолжить без её заключения и дальнейшего согласования по цепочке.

Раздражение сразу стало менее удобным. Передо мной была не активистка, которую можно убедить цифрой и сроком. Она точно знала, где заканчиваются её полномочия и где начинаются обязанности заказчика.

Я спросил, понимает ли она стоимость задержки. Метельская ответила, что понимает стоимость необратимого демонтажа. Я напомнил: здание должно зарабатывать. Она выразила моему бизнесу соболезнования и развернула чертёж на настиле.

Голос зацепил память.

Лица я раньше не видел. Голос — возможно.

Женщина из «Ноля света» говорила мягче, потому что между нами не было каски, договора и стены стоимостью в несколько миллионов. Но в манере отвечать существовал знакомый сдвиг: её насмешка успевала появиться раньше, чем человек понимал, что над ним уже пошутили.

Я заставил себя смотреть в чертёж. Женщина из инсталляции пока была воспоминанием. Метельская влияла на график и бюджет прямо сейчас. Не каждая женщина, способная меня раздражать, обязана целоваться со мной в темноте. Статистика должна хоть иногда работать на меня.

Проблема была в том, что память не интересовалась статистикой. Стоило Метельской наклониться над чертежом, как я отметил линию шеи над воротом рабочего комбинезона и тут же разозлился на собственное внимание. Я не знал лица женщины из темноты, но слишком хорошо помнил, как менялось её дыхание, когда она сама сокращала расстояние.

Она показала фрагмент, обнаруженный за поздней обшивкой. Сохранилась часть первоначальной композиции и след старого проёма. Если архив подтвердит исходную планировку, придётся менять северный объём и прокладку коммуникаций рядом с охраняемым участком. Не весь проект. Но бухгалтерия уже могла начинать употреблять слова, которые не печатают в официальных отчётах.

— Сколько времени на проверку?

Она назвала срок и тут же показала, какие работы можно

перенести в соседнюю часть здания, чтобы бригады не простаивали. Это разрушало ещё одну удобную версию: Метельская пришла не тормозить стройку. Она хотела провести её без уничтожения того, что потом не восстановишь.

С людьми, которых нельзя обвинить в некомпетентности, приходится договариваться.

Мы прошли по этажу. Она отмечала дефекты, давала распоряжения своей команде и не спрашивала меня там, где решение относилось к её работе. Всё, что затрагивало деньги или график, отдельно фиксировала для проектной группы. Ни демонстративного героизма, ни попытки показать, кто здесь важнее.

У лестницы Метельская осмотрела мои ботинки.

— Есть обувь, которую не жалко?

— Эта переживёт.

— Я не про обувь. Про ваше лицо после первого пятна извести.

Я улыбнулся прежде, чем успел решить, что не собираюсь.

И память снова подбросила голос из темноты: «Ты улыбаешься».

Совпадение. Пока.

На выходе я потребовал полный перечень оснований остановки и варианты решения к понедельнику. Метельская ответила, что отправит материалы проектной группе, потому что даже наследнику гостиничного холдинга полезно иногда пользоваться рабочими процессами.

— Вы считаете меня наследником или миллиардером?

Она посмотрела на часы, потом через ограждение на машину, потом на меня.

— Человеком, которому редко говорят «нет».

Возражать было трудно.

Перед отъездом я ещё раз прошёл первый этаж с руководителем строительства. Чем больше слушал, тем яснее становилось: Метельская не создала проблему. Она первой поймала её до стадии, когда исправление стоило бы в несколько раз дороже. В сотруднике я бы это оценил мгновенно. В подрядчике признание почему-то давалось хуже.

В машине пришёл её официальный протокол: основание остановки, обследования, ответственные, параллельные работы, сроки. Никакой личной интонации. Даже «я же говорила» отсутствовало, хотя право на него она уже заработала.

Мне захотелось позвонить и вытянуть из неё менее официальный голос. К управлению проектом желание отношения не имело.

Я открыл календарь. Следующие две недели были забиты совещаниями, но день повторного обследования северного крыла всё равно отметил лично. Ассистент спросил, включить ли объект в общий маршрут. Я отказался. Проще было приехать самому, чем объяснять, почему встречу с подрядчиком не хочется делегировать.

На рукаве остался белый след от стены. Обычно я бы отправил пиджак в чистку и забыл. Вместо этого провёл паль-

цем по пыли и снова услышал её голос.

Если женщина из «Ноля света» и Ида Метельская — один человек, мой график получил проблему, которой финансовый директор пока не умеет назначать цену.

Глава 3. Савва. Самая плохая идея недели

В понедельник у меня было три задачи: северное крыло, кредитная линия и отчёт для совета директоров. К обеду появилась четвёртая — Ренат Вельский.

Ренат считал дружбу устойчивой формой партнёрства, пока не находил в ней возможность развлечься за чужой счёт. Мы знали друг друга со школы, пережили университет, несколько стартапов общих знакомых и столько ночей, о которых проще не хранить фотографии.

Он вошёл без приглашения, заметил на столе папку «Метельская И.» и сел напротив.

— Она тебя зацепила.

Я закрыл папку.

— Она блокирует часть проекта.

— Ты произнёс «она» так, будто проект носит каблуки.

Объяснять, что на стройке Метельская ходит в тяжёлых ботинках, я не стал. Для оправдания безразличия у меня уже накапливалось подозрительно много наблюдений.

О «Ноле света» Ренат знал только то, что видел меня на выходе и потом двадцать минут издевался: я умудрился поцеловать женщину и не спросить имени. Версию о Метельской я ему не сообщал. Пока она оставалась моей догадкой,

не требовалось выдерживать его комментарии.

Через час пришли Марк и Елисей. Мы собирались обсуждать «Северную набережную» — проект, где Ренат и я одновременно были партнёрами и людьми, способными неделю спорить из-за двух процентов. Вместо цифр разговор снова свернул к KORIN.

Ренат предложил очаровать Метельскую. По его версии, с людьми проще договариваться, когда ты им нравишься. Я напомнил, что мне нужен профессиональный компромисс. Он услышал только слово «очаровать» и уже не собирался возвращаться к финансовой модели.

Дальше плохая идея развивалась без сопротивления с моей стороны.

Ренат заявил, что я пять минут доказываю безразличие к женщине, чью фамилию помню лучше части сотрудников. Я сказал, что она не мой формат. Он спросил, какой тогда мой, если я второй день думаю о голосе незнакомки и езжу на стройку лично. Марк начал смеяться, не дождавшись деталей. Елисей предложил поставить условие, потому что у него талант вовремя не мешать чужой глупости.

Не «переспать». Даже Ренат понимал, что такая ставка выглядит дешёвой.

Пусть Метельская сама первой скажет, что любит меня.

В этой точке нормальный взрослый человек закончил бы разговор. Я спросил, сколько времени он даёт.

Сроком стало открытие отеля. Ставкой — часть моей до-

ли в «Северной набережной». Не контроль, не состояние, но сумма, после которой разговор переставал быть пустой шуткой.

Я согласился.

Объяснение для самого себя нашлось мгновенно. Метельская всё равно влияет на сроки. Мне всё равно придётся искать с ней рабочий контакт. Никаких обещаний любви, никакого давления на её подписи. Сделать так, чтобы она доверяла мне больше, — разве преступление?

Человек легко становится убедительным, когда защищает собственную глупость от собственного же здравого смысла.

Я запретил превращать спор в общий чат. Ренат напомнил, что ставка затрагивает партнёрскую долю и хотя бы одно подтверждение должно остаться. Он открыл нашу закрытую переписку и написал: «Ты же сказал: Метельская не твой формат. Проверим?» Следом отправил условие: «До открытия. Она признаётся первой. Ставка — доля по Северной».

Марк поставил вопросительный знак. Елисей прислал смеющийся смайлик. Я ответил: «Не мой формат. Идёт».

Марк тут же назвал нас идиотами. Елисей уточнил, что свидетелем финансовых последствий быть не хочет. Ренат закрепил сообщение. Я видел, как он это сделал, и не возразил. Моя профессиональная любовь к документированию пережила даже здравый смысл.

До этого дня я считал себя человеком, который хотя бы не врёт женщинам о намерениях. Я не обещал будущего, если

его не видел, и гордился таким подходом, словно одна форма честности автоматически перекрывает все остальные способы поступить подло.

Условие спора било не по сексу. Желание бывает случайным, быстрым, удобным. Признание появляется после доверия. Чтобы Метельская сказала «люблю», мне пришлось бы стать для неё человеком, рядом с которым безопасно говорить такое вслух. Я почему-то решил, что смогу пройти весь путь и не оказаться внутри него.

Ренат спросил, не смущает ли меня, что мы обсуждаем женщину, с которой я работаю. Я ответил: её профессиональные решения останутся отдельно, на подписи и проект я влиять не собираюсь. Я объявил эту границу надёжной и всё, что происходило за пределами контрактов и согласований, удобно вынес из моральной сметы.

Перед тем как вернуться к почте, я ещё раз посмотрел на закреплённое сообщение. Метельская ничего мне не обещала, не знала о ставке и не могла оценить мотив, с которым я собирался к ней приближаться. Я назвал это преимуществом информации. В бизнесе такая формулировка часто помогает не замечать, что за пределами переговорной она звучит гораздо хуже.

В письме от Иды лежали технический отчёт, фотографии, архивные ссылки и три варианта работ с разной ценой. Самый дешёвый ей не нравился, но она всё равно включила его: решение принимала команда, а не её личный вкус.

Внизу была приписка: «На объекте просили передать, что ваш пиджак пережил известь. Поздравляю».

Я написал: «Благодарю за заботу о гардеробе заказчика».

Ответ пришёл через минуту: «О гардеробе — да. О заказчике данных пока мало».

Я рассмеялся один в кабинете и только потом заметил, что телефон с перепиской о споре лежит рядом с её письмом.

Выиграть быстро мне уже не хотелось. Это должно было насторожить сильнее, чем насторожило.

Глава 4. Ида. Цветы для Валентины Петровны

У мужчин с деньгами есть занятная привычка: если ситуация не подчиняется, они пробуют применить доставку.

Во вторник в офис реставрационной мастерской привезли цветы. Композиция заняла половину стойки администратора и выглядела так, будто у неё есть собственный бухгалтер и парковочное место.

На карточке стояло: «За конструктивный диалог. С. Корин».

Я перечитала, проверяя, не спрятана ли между строк угроза. Угрозы не оказалось. Валентина Петровна наблюдала за мной поверх очков. Ей было шестьдесят три, она знала о личной жизни сотрудников больше, чем отдел кадров, и считала любую доставку от мужчины общим информационным поводом.

Я передвинула вазу к ней.

— Мне?

— Вам. Вы конструктивнее.

Валентина Петровна поверила примерно наполовину, но цветы оставила. Через десять минут мастерская уже обсуждала, проявила я характер или первые признаки тяжёлого заболевания.

Корину я отправила фотографию букета на стойке: «Валентина Петровна благодарит».

Он позвонил. Я не взяла трубку. В сообщении Савва спросил, всегда ли я отдаю подарки другим женщинам. Я ответила: только те, которых не просила. После этого телефон замолчал.

К обеду приехал кофе. Его получил стажёр.

В три доставили приглашение на закрытый ужин партнёров KORIN. Я вернула конверт курьеру с запиской: «У меня аллергия на мероприятия, где стоимость часов обсуждают громче собственных идей».

К четырём я решила, что кампания закончилась. Валентина Петровна сняла трубку и выслушала вопрос из приёмной KORIN: дошло ли приглашение. Она ответила, что бумага дошла, а характер адресата оказался прочнее. Я услышала это из соседней комнаты и снова убедилась, что наша мастерская держится на ней надёжнее, чем на электронном документообороте.

Цветы мне нравились. Кофе тоже. Раздражала последовательность. Мужчина едва знает меня, но уже создаёт комфорт, который легко перепутать с близостью. Я видела, как дорогой ужин превращается в невидимый счёт, а «я всё устроил» — в ожидание благодарности подходящего размера. Поэтому предпочитала закрывать такие счета до того, как кто-то решит, будто я их признала.

Марта прослушала моё голосовое и посоветовала принять

букет, кофе, ужин и при удачном стечении обстоятельств самого мужчину. Потом разбираться. Я напомнила, что её свидания иногда напоминают программу лояльности. Она ответила, что хотя бы получает бонусы.

Мне хотелось проверить другое: что останется от интереса Саввы, если убрать инструменты, которыми он пользуется автоматически. Деньги, сервис, возможность заранее организовать правильную декорацию. Сможет ли он разговаривать со мной, когда нельзя купить удобство и назвать его вниманием?

В пять Корин приехал сам.

Без галстука он выглядел хуже для моей системы обороны. Расстёгнутый ворот рубашки открывал шею, рукава были чуть сдвинуты, и на секунду я вспомнила не фамилию на фасаде, а мужское дыхание в полной темноте. Организм оказался предателем с хорошей памятью.

Передать его Валентине Петровне уже не получалось.

Он вошёл без галстука, посмотрел на цветы в её вазе, потом на меня. Я уткнулась в фрагмент обоев XIX века, который внезапно заслужил всё моё внимание.

Савва положил на стол папку с обновлённым графиком. Никаких коробок и открыток. Рабочие документы.

Он предложил перенести часть строительных операций в другое крыло, если наша команда поставит обследование северного участка в приоритет. Я просмотрела таблицу. С первой встречи он пытался заставить реальность подстроиться

под план; теперь менял сам план.

Это заслуживало внимательности, а не благодарности. Поэтому я проверила каждую строку вдвое тщательнее.

Двадцать минут мы спорили о сроках, людях и последовательности работ. Корин оказался неприятно хорош в переговорах: не повышал голос, не размахивал стоимостью задержки, вынимал из моих возражений конкретный риск и предлагал вариант. В какой-то момент мы уже не тянули проект в разные стороны, а вместе разбирали плохое решение.

Получился компромисс: три дня на обследование, параллельная работа в соседнем крыле, после архивного заключения — новый финансовый расчёт. Я подписала протокол и заметила, как Савва смотрит на пустое место у стойки, где утром стоял букет.

— Цветы ей понравились?

— Очень.

— А кофе стажёру?

Я отложила ручку.

— Вы ведёте учёт?

— Я управляю компанией. Профессиональная деформация.

За окном у входа ждал автомобиль, который присылали за мной утром. Савва предложил подвезти на объект. Я отказалась: метро хотя бы не делает услугу частью переговоров.

На секунду он задержал взгляд на мне, потом кивнул. Без второго предложения, без «я настаиваю».

Такое я замечала. Многие мужчины принимают первый отказ за кокетство и начинают увеличивать давление или бюджет. Савва, похоже, решил хотя бы попробовать другую стратегию — услышать слово в его прямом значении.

Он спросил, где я обычно ужинаю после работы. Я назвала «Тесто», маленькую пекарню рядом с мастерской. Столы там качались, зато пироги не требовали дресс-кода.

Савва записал название.

— Это не приглашение.

— Я понял.

— Хорошо. Вы плохо переносите «нет».

— Учусь.

Я собрала бумаги и ушла раньше, чем улыбка успела выдать удовольствие от ответа.

В метро меня настигла неприятная мысль: после трёх отказов он не обиделся и не поднял ставки. Просто поменял поведение. Это не делало Корина хорошим человеком по умолчанию, зато лишало меня удобного шаблона, в который я уже успела его засунуть.

Цветы были проще.

Глава 5. Ида. Шесть метров самоуверенности

Строительные леса отлично воспитывают уважение к технике безопасности. На высоте шести метров даже владельцы дорогих часов начинают внимательно смотреть, куда ставят ногу.

Внизу, под ногами, лежал весь северный зал: серые прямоугольники защитного картона на полу, ведро с мутной водой у стены, провода, убранные под временные мостки. Сверху люди казались ниже и медленнее, зато любой звук поднимался сюда без приглашения. Кто-то двигал металлическую стойку; лязг ударился о стены, прошёл по перекрытиям и отозвался у меня в зубах. Я привычно прижала ладонь к холодной трубе ограждения и проверила, не мешает ли страховка повернуться к рабочей поверхности.

Савва Корин всё ещё считал себя исключением из большинства правил.

Он приехал в северное крыло в нормальных рабочих ботинках и сообщил, что хочет лично увидеть найденный декор. Я предупредила: личный героизм в смету не включён. Савва надел страховочную систему и полез следом.

Дорогу наверх освещали переносные лампы. Их свет вы-

хватывал из полумрака стыки досок и отпечатки тяжёлых подошв в известковой пыли. У Саввы под ботинками настил отвечал короткими сухими стуками. На повороте он пропустил меня вперёд, подождал, пока я перестегну страховку, и только затем поднялся сам. Обычно после таких визитов мне приходилось следить сразу за объектом и за высокопоставленным гостем. Сегодня я пока могла заниматься объектом.

Мы работали второй час. Под поздней панелью открылись фрагменты первоначальной росписи и след заложенного проёма. Архив мог подтвердить старую планировку, а это означало новый раунд переговоров с KORIN. Как реставратор я была счастлива. Как человек, которому предстояло объяснять цену находки руководству, — значительно спокойнее, чем ожидала. Савва не устраивал спектакль.

Открытый участок стены был шириной всего с две мои ладони. При боковом свете проступали тонкие охристые линии, из-под них — выцветший зелёный мазок. Вблизи было видно, где слой краски уцелел на крепкой штукатурке, а где держался на честном слове и невероятном упрямстве старой штукатурки. Я наклонила лампу, и неровность заложенной кладки обозначилась яснее: прежний проём угадывался по границе раствора, которую поздняя обшивка десятилетиями скрывала от глаз. От мысли, сколько ещё можно найти под этими панелями, у меня чесались руки. От мысли о пересчёте сметы — уже голова.

Он спрашивал, что можно сохранить, что допустимо пе-

ренести и где заканчивается научная ценность и начинается профессиональная одержимость. Последнюю формулировку я предложила включить в протокол. Он отказался, хотя рабочие рядом оценили.

Он слушал, стоя чуть боком, чтобы не загораживать мне свет. Один из рабочих подал узкий шпатель, и я указала им на край красочного слоя, не касаясь поверхности. Савва наклонился ближе, но руки оставил при себе. На его рукаве уже отпечатался белый след от стены; он заметил его лишь тогда, когда попытался достать телефон и передумал. Мне приходилось объяснять состоятельным заказчикам, что иногда лучший способ помочь памятнику — ничего не трогать. Этому повторять не понадобилось.

За моей спиной стучал инструмент, снизу переговаривались рабочие. Рулетка понадобилась, чтобы уточнить расстояние от обнаруженной границы кладки до угла панели; цифра определяла, какую часть вскрытия я смогу обосновать документально. Я развернулась вполоборота, оставив одну руку на стойке. На вид настил лежал ровно, только из щели между досками тянуло прохладой. Под пяткой раздался короткий, совсем негромкий щелчок.

На верхнем настиле рулетка лежала у края. Я потянулась за ней, доска под ногой сместилась.

Мир не замедлился и никаких красивых мыслей я не успела. Ботинок соскользнул, рука нашла стойку, а в следующую секунду в голове возник только мысленный список людей,

которых я собиралась убить после того, как перестану падать.

Колено ударило о край доски. В глазах мелькнула щель между настилами, а за ней — пёстрый пол далеко внизу. Я успела ободрать перчатку о шершавый металл стойки; пальцы скользнули по ней, не найдя опоры. Где-то рядом сорвался чей-то окрик. Слова я не разобрала.

Рука Саввы обхватила меня за талию и рванула назад. Спиной я ударилась о его грудь, его предплечье жёстко прижало меня к себе, страховочный трос натянулся, рулетка улетела на настил ниже. На одну секунду я почувствовала его целиком — тепло, силу, сбившееся дыхание у моего виска — и тут же возненавидела собственное тело за то, что оно записало детали посреди аварии.

Ремни страховочной системы врезались в бёдра, каска стукнулась о твёрдую застёжку у его плеча. Я слышала, как скребёт подошва Саввы по настилу: он сам удерживал равновесие, упираясь ногой в поперечину. Под нами рулетка дважды звонко ударилась о металл и затихла. Запоздало дошло, что между моими ботинками и нижним этажом ещё секунду назад оставалось слишком мало надёжных досок.

— Стойте.

Я уставилась на собственные носки, испачканные серой крошкой. Один стоял поперёк доски, второй едва касался её края. Ниже кто-то требовал освободить проход, перекрикивая других, но голос доносился словно из соседней ком-

наты. Рядом с моим ухом Савва выдохнул один раз, резко, и больше не сказал ничего, пока я не переставила ногу.

Мне немедленно захотелось двигаться из принципа. Я всё же дождалась, пока обе ноги встанут устойчиво. Савва убрал руки сразу. Отсутствие его ладони на талии ощущалось почти так же отчётливо, как секунду назад само прикосновение. Он проверил мой карабин и только после этого позвал начальника участка.

Когда он отступил, я заметила светлую полосу на его куртке. Даже не помнила, что вцепилась в ткань. Пальцы уже разжались, но в перчатке мелко дрожала кисть. Савва заметил это и сделал вид, что занят креплением. За подобную деликатность я бы с удовольствием выдала ему премию, если бы он не был человеком, который эту премию мог назначить всем остальным.

Романтика отсутствовала полностью. На мне каска, перчатки и белая пыль. На нём страховка поверх куртки и парфюм, которому вообще не место рядом с известью. Но кожа под одеждой помнила его руку с досадной точностью. Ещё хуже — я помнила, как естественно прижалась к нему раньше, в темноте, когда падать никуда не собиралась.

В щели расстёгнутого ворота холодил шею воздух, а под поясом страховки, напротив, было жарко. Я стянула перчатку зубами, посмотрела на сбитую кожу у основания большого пальца и снова надела её, пока никто не предложил мне медицинскую помощь. Пустяковая царапина выглядела

удобным доказательством, что авария осталась на стройке, где ей и место. С памятью о его руках такой фокус не проходил.

Плохо затянутый фиксатор нашли быстро. Я остановила работу на участке. Савва вызвал руководителя подрядчика и потребовал проверить все уровни лесов до возвращения людей наверх. Без крика, угроз увольнением на месте и попыток самому руководить гайками.

Начальник участка поднялся к нам с лицом человека, которого уже успели позвать по рации трижды. Один рабочий присел у сместившейся доски и посветил фонарём под настил. В световом пятне блеснул металл крепления; его можно было различить даже с моего места. Снизу продолжали доноситься удары молотка, пока мой окрик не передали дальше. Потом инструменты один за другим стихли, и я впервые услышала, как по листу защитной плёнки у окна хлопает сквозняк.

Для образа наглого мажора такая управленческая нормальность была крайне неудобна.

Я привыкла к другой реакции: сначала обида за сорванный график, затем намёк, что все здесь взрослые люди и могли бы договориться. Савва смотрел не на меня, а на тот участок, где двое монтажников осторожно разгружали настил. Когда руководитель подрядчика начал объяснять, что крепление «вчера проверяли», Савва попросил принести журнал осмотра. Тот сразу перестал ссылаться на вчера.

Пока специалисты проверяли крепления, мы спустились на этаж ниже. Савва всё ещё держал мою рулетку — кто-то передал ему снизу. Он протянул её, пальцы коснулись моей ладони.

Спускаться пришлось медленнее, чем подниматься. У меня ныла ударенная коленка; ступени приставной лестницы казались неожиданно узкими, хотя с утра я пробежала по ним дважды. На нижней площадке пахло сырой древесиной и строительной пылью. Сквозь защитную сетку было видно, как наверху перемещают лампу: по стене ползла полоска света, оставляя найденную роспись в тени. Я с досадой следила за ней, уже держа в руке возвращённую рулетку и не понимая, почему до сих пор не убрала её.

Память вернула темноту быстрее, чем я успела придумать разумное объяснение.

Там тоже сначала были пальцы.

В памяти вместо лестницы возникло пространство, где невозможно было разглядеть даже собственные ладони. Тогда я ориентировалась по его голосу и по теплу пальцев, нашедших мои в темноте. Сейчас солнечная полоска из высокого окна пересекала Савве скулу, на щеке виднелась известковая пыль, а я всё равно пыталась узнать его так, словно передо мной стоял незнакомец.

Я посмотрела на него внимательнее. Тёмные волосы, спокойный рот, привычка оставлять собеседнику меньше дистанции, чем требуется деловой беседе. О сходстве голосов

я думала ещё после первой встречи. Теперь к голосу добавились движения, паузы, реакция на мою руку.

Я ещё держала рулетку, но так и не убрала её в карман. Савва заметил мой взгляд, опустил глаза на вещицу в моей руке и опять посмотрел мне в лицо. Лёгкая складка появилась у него между бровями — раньше, чем он спросил. Я вдруг остро ощутила, что между нами на площадке всего полшага, а за спиной у него рабочий протискивается мимо стойки с ящиком крепежа. Отойти было бы естественно. Я осталась на месте.

— Что проверяете? — спросил Савва.

— Гипотезу.

— Насколько плохую?

— Для вашего самолюбия пока терпимую.

Он улыбнулся уголком рта.

— Вы улыбаетесь, — сказала я и поняла ошибку раньше, чем закончила фразу.

Савва перестал улыбаться.

На лестнице кто-то громко отсчитывал ступени, металл звенел под подошвами, а мы всё смотрели друг на друга. Рабочий с ящиком крепежа прошёл мимо, заставив Савву чуть сдвинуться к ограждению. Он и после этого не отвернулся. Я крепче сжала рулетку, и ребристый край корпуса неприятно впился в ладонь.

В «Ноле света» именно он услышал мою улыбку. Потом эта фраза вернулась ко мне. Совпадений набралось слишком

много, чтобы продолжать называть их статистикой.

— Откуда знаете?

Я пожала плечами.

— Вижу.

Мелкая месть за его «слышу» позволила не подтверждать ничего вслух. Я ещё не решила, хочу ли это делать. Безымянный мужчина в темноте существовал отдельно от работы. Савва Корин был заказчиком, человеком с влиянием на бюджет и тем, с кем я каждый день спорила о решениях. Соединить эти две версии означало признать, что личное уже стоит внутри профессионального коридора.

На открытой площадке всё было выставлено напоказ: наши лица, расстояние между локтями, каждый поворот головы. В «Ноле света» можно было притвориться, что после поцелуя каждый отправится в свою жизнь и никакого следа не останется. Здесь за плечом Саввы висел лист с перечнем работ, а в кармане моей куртки лежал блокнот с замечаниями к его проекту. Отвести глаза первым должен был кто-нибудь из нас. Я выбрала смотреть на рулетку.

Мне хотелось задать ему вопрос прямо, проверить ещё одну мелочь, потребовать объяснения, почему он промолчал при нашей первой встрече, если тоже меня узнал. Но с верхнего пролёта окликнули Савву: начальник участка ждал его с результатами осмотра. Савва обернулся на голос сразу, и момент закрылся, даже не успев стать разговором. Я прошла вслед за ним, стараясь держать между нами обычные рабо-

чие полметра. Оказалось, за этими полуметрами надо следить сознательно.

Я наблюдала, как он слушает доклад начальника участка. До сих пор важнее всего было не то, насколько красиво он выглядит или как целуется. Меня интересовал другой тест: что он делает, когда получает отказ или проблему, которую нельзя купить быстрее.

На листе, который развернули перед нами, красным отметили участок с найденным креплением. Начальник говорил быстро и временами смотрел на Савву вместо меня. Корин дважды возвращал разговор к моей остановке работ: без моего разрешения наверх никто не поднимется. Он не повышал голоса, а начальник перестал переставлять бумаги с места на место и наконец выслушал, какие зоны предстоит проверить. Я почувствовала, как раздражение от прерванного разговора уступает уважению, и тут же обиделась на себя ещё раз.

Пока результаты были раздражающе приличными.

Савва не надавил на тему «Ноля света». Мы спустились в бытовку, я оформила запись о происшествии. Я ждала просьбы смягчить формулировку — «едва не упала» плохо выглядит в документах заказчика. Он, наоборот, попросил указать причину, фамилии ответственных за монтаж и отдельную проверку контроля.

В бытовке горела одна лампа над столом. На стене висели куртки, у двери сушились грязные бахилы, и каждый раз, когда кто-то проходил по коридору, дверь подрагивала в пло-

хо подогнанной коробке. Я разложила бланк на уголке стола, сдвинув в сторону папку с накладными. Шариковая ручка оставляла неровные полосы на тонкой бумаге; от удара по колену сидеть было неприятно, а выписывать обстоятельства своей почти состоявшейся ошибки — ещё неприятнее. Савва стоял напротив, опираясь ладонью о край столешницы, и не заглядывал мне через плечо.

— Бумажного следа не боитесь? — спросила я.

— Повторения боюсь больше.

Высмеивать такой ответ было нечем. Я вернулась к форме.

За стеной рабочие спорили, кто недотянул фиксатор. Савва не пошёл искать виноватого лично. Позвонил директору подрядной организации и потребовал системный осмотр. Он понимал размер собственной роли, а для заказчика с фамилией на фасаде это встречается реже, чем хотелось бы.

За тонкой стеной хлопнула дверца шкафа, потом раздалось раздражённое: «Я этот узел не принимал». Ответ заглушил шум включённого инструмента снаружи. Я вписала время остановки, проверила фамилии и подчеркнула строку о повторном осмотре. Савва разговаривал по телефону возле двери; из всей беседы были слышны только номер участка и требование прислать подтверждение проверки письменно. Когда он закончил, я уже добралась до последнего поля формы.

Я мысленно убрала из уравнения его лицо и историю в

темноте. Если бы всё это сделал другой руководитель, я всё равно признала бы действия профессионально правильными. Значит, симпатия не объяснялась одним парфюмом и гормонами, что заметно усложняло жизнь.

На столе между нами лежала бумага с моей подписью, вполне способная сдвинуть сроки работ и испортить кому-то показатели. Ещё час назад я ожидала, что Савва начнёт считать убытки прежде, чем спросит, цела ли я. Теперь он просматривал список закрытых уровней и карандашом отмечал те, куда сегодня никого не пустят. Карандаш был обычный, короткий, заточенный ножом. Мне неожиданно стало трудно удерживать привычную версию человека, который должен был непременно обернуть всё в демонстрацию власти.

Список недостатков был удобным: наглый, богатый, контролирующий, привыкший командовать. Теперь рядом с ним появлялись факты, которые не вписывались в первое впечатление.

Когда начальник участка унёс лист на подпись монтажникам, в бытовке впервые стало тесно от нашего молчания. Савва снял каску; на виске волосы примялись влажной полосой, а на шее остался красный след от ремешка. Я отвела взгляд к окну, за которым мелькнула жёлтая строительная каска. Было бы гораздо легче, если бы он снова начал меня раздражать.

Через полчаса один уровень лесов закрыли на перемонтаж. Савва подписал остановку без торга.

На копии распоряжения расплывалось синее пятно от печати. Мне передали лист, чтобы я сверила номер уровня. Половина сегодняшнего вскрытия теперь откладывалась, вместе с фотографированием находки и моими планами закончить обмеры до вечера. Я отметила новый срок в блокноте. Приятного в решении было мало, поэтому поверить в его искренность оказалось проще.

У двери бытовки он задержался.

В коридоре слышались шаги и глухие удары переносимого инструмента. Из-за приоткрытой двери тянуло прохладой. Савва уже взялся за ручку, но не нажал её; я стояла у стола и наматывала на палец шнурок от рулетки, хотя знала, что потом придётся распутывать узел. Расстояние между нами снова стало деловым, безопасным. Он посмотрел на этот шнурок и только тогда заговорил.

— Метельская.

— Корин.

— В следующий раз, когда будете проверять гипотезу, предупредите.

— Зачем?

— Я люблю готовиться к проигрышу.

Он ушёл к лестнице, а я осталась с рулеткой и уверенностью, от которой уже нельзя было отмахнуться: в «Ноле света» я целовалась с Саввой Кориным.

Я следила, как он уходит, не торопясь за остальными. На спине куртки у него остался мой белый отпечаток — пять

неровных полосок там, где я хваталась за ткань. След можно было стряхнуть одним движением. Я не окликнула его: для разговора, который начался в темноте и продолжился сегодня на высоте шести метров, бытовка с открытой дверью подходила хуже любого другого места.

И знание его имени делало желание повторить гораздо менее безобидным.

Глава 6. Савва. Голос

Я не люблю загадки, когда они влияют на бюджет, находятся на моём объекте или носят фамилию Метельская.

После лесов версия с «Нолём света» перестала выглядеть случайным совпадением. Доказательств всё ещё не было: голос, фраза, её реакция, несколько движений, которые память узнала раньше меня. Нормальный человек оставил бы вопрос в покое. Я предпочитаю проверяемые данные. На совещаниях я различал Иду по шагам раньше, чем поворачивал голову. Теперь ловил себя на другом: стоило ей оказаться рядом, как я невольно прислушивался к голосу, словно в нём могла прозвучать пропущенная улика. Это раздражало. На объекте и без того было за чем следить.

Проверка произошла без моего участия.

К вечеру северное крыло выглядело иначе, чем днём. В проёмах ещё стояли стремянки; пыльные края плёнки шевелились от сквозняка. Где-то за стеной короткими сериями стучал инструмент, а мокрые подошвы оставляли на сером полу тёмные следы. Ида шла рядом с папкой под мышкой и продолжала спорить со мной о сроках, не отвлекаясь на шум. Я пытался слушать её доводы и одновременно следил, как она переступает через лежащий на полу кабель, даже не замедляя шага. На неё хотелось смотреть гораздо чаще, чем

позволял рабочий разговор.

Вечером на объекте переключали временную линию питания. О работах меня предупредили, но позже, чем следовало. Мы с Идой шли по коридору северного крыла, когда свет погас. Аварийные лампы включились с задержкой, и несколько секунд вокруг не было ничего, кроме бетонного пола под ногами и чужого дыхания рядом. Под подошвой у Иды хрустнула крошка штукатурки. Я различал её рядом по движению воздуха и почти не слышному шороху ткани. За стеной умолк работавший инструмент, и я попытался мысленно отмерить оставшееся до ограждения расстояние: три шага, возможно четыре. Проверять расчёт на ней не хотелось.

Я помнил временное ограждение впереди. Коснулся её запястья, чтобы остановить. Я знал, что за ограждением оставлен перепад пола: днём мы обходили его по узкому свободному краю. Теперь я не видел даже носков собственных ботинок. Её рукав скользнул по моей куртке, и я нащупал тонкую косточку под манжетой — ещё до того, как успел подумать, почему узнаю это движение.

Ида замерла. Ремень сумки задел мой локоть и перестал двигаться. Она стояла близко, но не попыталась выдернуть руку; я чувствовал лишь лёгкий поворот её кисти в своей ладони.

Пальцы легли на знакомое место. В темноте у памяти не осталось визуальных помех: рука, дыхание, короткая пауза

перед тем, как она разрешает коснуться. Я держал эту женщину раньше. В памяти всплыл обрывок той встречи: почти такое же ожидание, пока расстояние между нами перестанет быть случайностью. Лица тогда я не видел. А короткую остановку перед ответным движением помнил с неприятной точностью.

Через несколько секунд включились лампы. Ида посмотрела сначала на мою ладонь, потом мне в лицо. Я отпустил её. Холодный свет ударил сверху, высветил ободранную кромку стены и жёлтую полосу на полу у ограждения. Ида стояла вполоборота ко мне; одна прядь выбилась из-за уха. Между нами оставалось меньше шага, хотя при включённых лампах это расстояние уже требовало объяснений.

— Это была ты?

Она поправила ремень сумки, выиграв секунду. Пряжка тихо звякнула о металлическую застёжку. Я впервые за вечер заметил, что она держит сумку перед собой, как будто в коридоре внезапно стало тесно.

— Что именно?

— Ида.

— Уже лучше. Вы научились пользоваться именем.

Она пошла дальше. Ответ я уже получил. Подошвы её рабочих ботинок стучали по непокрытому полу коротко и быстро. Я мог догнать её сразу, но сперва посмотрел назад, на ограждение, возле которого мы только что стояли. Кусок жёлтой ленты шевелился в струе воздуха из открытой двери.

Я догнал её у лестницы и спросил, почему она ничего не сказала. Формулировка вышла хуже, чем планировалось: будто она была обязана сообщить о поцелуе заказчику вместе с протоколом обследования. От лестничного пролёта тянуло холодом. Я шёл чуть позади Иды и видел в свете аварийной лампы усталую складку у её рта и светлую полоску на переносице от защитных очков. Хотелось спросить совсем иначе, чем получилось.

Ида остановилась у перил. Безымянная история в темноте, объяснила она, была отдельным эпизодом. Потом я появился в её рабочем дне как заказчик, источник давления по срокам и человек, привыкший превращать всё вокруг в управляемую систему. Она не хотела использовать тот вечер ни как преимущество, ни как оправдание. Пока она говорила, внизу металлически лязгнула дверь, и по лестничной клетке прокатился звук шагов. Ида переждала его, не повышая голоса. Я привычно искал в её словах то, с чем можно спорить по пунктам, но вместо контраргументов видел перед собой женщину, которую заставил объяснять, почему она имеет право оставить личное личным.

Аргумент был разумным. Меня это не успокоило. Я сдвинулся в сторону, освобождая ей дорогу. Если бы она ушла сейчас, я не имел бы права останавливать её второй раз. Только почему-то ждал ответа, а не шагов вниз.

— Ты жалеешь?

Ида посмотрела в сторону пустого номера, дверь которо-

го оставили открытой после проверки. За окном шёл дождь, стекло закрывала строительная плёнка, на полу стояли коробки с образцами. Если кто-нибудь когда-нибудь решит снимать рекламу романтики на стройке, ему придётся очень хорошо платить монтажёру. Плёнка на окне пузырилась от сквозняка; дождевые капли собирались на ней в тяжёлые дорожки и, срываясь, оставляли за собой мутные полосы. Одна коробка у порога размокла по углу, и край бумажной этикетки загнулся вверх. Ида смотрела туда несколько секунд. Между лестничной площадкой и открытой дверью оставалось всего несколько шагов; она не делала ни одного. Мне пришлось остаться на месте и дождаться, пока она сама повернётся.

— Жалею, что теперь понимаю, почему ваш голос раздражал меня с первой встречи. Она перевела взгляд с открытого номера на меня. Не улыбнулась, но и не отвела глаз; пальцы, всё ещё державшие ремень сумки, разжались. Я почувствовал, как привычный ответ уже подступает к языку, и впервые предпочёл обойтись без него.

Я сделал шаг и поцеловал её — без той осторожной темноты, за которой мы прятались в первый раз. До неё оставалось полшага. Под ботинком скрипнула крошка высохшего раствора. Я успел увидеть, как она чуть подалась навстречу, прежде чем наши губы встретились.

При свете всё оказалось опаснее. Я видел, как Ида сначала напрягла плечи, потом её ладонь легла мне на грудь. Не от-

талкивая — удерживая. Она ответила резко, почти сердито, и у меня мгновенно вернулась память о её губах в темноте. Я обхватил её за талию, она сама подошла ближе, и на несколько секунд бетонный коридор, дождь за плёнкой и рабочий график перестали иметь значение. Потом Ида отстранилась. Губы у неё были влажными, дыхание — уже не деловым. Мы оба понимали: ещё минута, и обсуждать вентиляцию сегодня придётся очень поздно. Под ладонью собралась складка её куртки. Сквозь плотную ткань я чувствовал, как она напряглась, а потом сама сократила оставшееся расстояние; ремень сумки соскользнул с плеча и мягко ударил её по боку. Она коснулась моего воротника, потянула ближе, словно хотела оборвать ещё один заранее подготовленный аргумент. Я не сразу заметил, что плечо задело шероховатую стену. Когда Ида отстранилась, между нами осталась смятая ткань моей рубашки под её пальцами. Она разжала руку и посмотрела на след от складок так, будто это было самое неожиданное последствие вечера.

Ида первой отступила к дверному проёму. Не спиной к стене и не в поисках опоры — просто вернула себе пространство. За её плечом тускло белел номер комнаты, нанесённый на малярную ленту. Я опустил руки, хотя прекрасно помнил, как легко она только что подошла сама.

— Северное крыло от этого не согласуется само.

— Я не рассчитывал.

— Штрафы тоже останутся.

— Вот это уже звучит лично.

Она поправила волосы и предложила завтрак на следующий день. В «Тесте», в восемь. В девять ей нужно было ехать в архив. Она произнесла название кафе с будничной уверенностью, будто мы назначали очередной осмотр и обсуждали свободное окно в графике. Я же почему-то запомнил, как на слове «восемь» она убрала с лица прядь волос, всё ещё выбившуюся после поцелуя.

У меня в восемь тридцать стояла встреча с банком. Я перенёс её, пока Ида спускалась к лифту. На экране телефона всплыло напоминание со временем банковской встречи. Я открыл календарь и отложил разговор, даже не дочитав тему письма. На лестничной площадке за спиной коротко звякнули двери лифта; я обернулся слишком поздно, чтобы ещё раз увидеть Иду.

Перед парковкой мы ещё двадцать минут разбирали рабочий график. Ида специально проговорила: личное приглашение не уменьшает количество красных пометок на документах. Я ответил, что после поцелуя ожидаю от неё особой жестокости. Она пообещала взять маркер потолще. У выхода дождь просвечивал в конусах строительных прожекторов, превращая проход к парковке в череду мокрых пятен. Мы стояли под выступом козырька с раскрытым графиком на телефоне. Ида провела пальцем по строке с датой и заставила меня вернуться к замечанию, которое я собирался закрыть устным обещанием. Вода с её рукава капала на бетон.

Я убрал телефон подальше от края козырька и всё-таки ответил по существу.

Следующее совещание стало полезной проверкой. Я посадил её напротив, а не рядом. Ида разобрала моё предложение по срокам, два пункта приняла, третий назвала дорогой глупостью и заставила проектировщика пересчитать нагрузку. Ни один сантиметр профессиональной позиции не изменился из-за того, что мы знаем вкус друг друга. В переговорной под локтем шуршала ещё тёплая распечатка, на мониторе рядом с макетом светилась увеличенная схема северного крыла. Проектор вымывал цвета из лиц, зато красные исправления на плане выглядели вызывающе яркими. Когда я озвучил третий пункт, Ида наклонилась к листу и перечеркнула короткую цифру в расчёте. Проектировщик сперва потянулся объяснять, потом открыл файл и начал проверять значения. Я наблюдал за ней через стол и обнаружил, что теперь знаю, как она целуется, но совершенно не могу предсказать, какой следующий пункт она уничтожит красным маркером.

Это меня успокоило сильнее, чем следовало. Если отношения продолжатся, её подписи и мои решения должны выдерживать проверку отдельно от наших тел и эмоций. Я сформулировал это правило у макета отеля и в тот момент решил, что одна правильная граница автоматически делает меня порядочным человеком. Она закрыла папку только после того, как проектировщик записал исправление, и не задержалась рядом со мной, когда люди стали выходить. На

столе осталась схема с жирной красной линией поперёк моего любимого решения. Я задержал на ней взгляд дольше, чем требовалось.

Удобная мысль.

Ида цепляла меня именно тем, что не угадывала заранее, чего мне хочется. Она заставляла формулировать просьбу, слушала, а потом могла сказать «нет» без страха потерять расположение. Для спора это делало её почти невозможной целью. Чтобы она призналась первой, требовалось доверие, которое нельзя купить букетом или хорошим столиком.

В теории я должен был закончить ставку сразу после этого вывода. За стеклом переговорной я видел, как Ида уходила по коридору с чертежами, придерживая их локтем. Не обернулась. Эта привычка сначала доводила меня до бешенства, потом стала причиной ждать каждого нового обсуждения. Я хотел, чтобы однажды она задержалась у двери по собственной воле, без указания времени в моём календаре.

До парковки я дошёл под мелким косым дождём. Свет у входа отражался в лужах; на капоте лежала тонкая сеть капель. Я остановился у водительской двери, глядя на закрытое северное крыло. Впервые за день меня никто не торопил и ничто не требовало подписи.

На парковке пришло сообщение Рената: «Продвигается?»

Я сел в машину, но не завёл двигатель. Открыл чат, закрыл, снова открыл. Можно было написать: «Спор окончен». Вернуть ставку. Признать идею мерзкой до того, как она

успеет повлиять на что-то важное. Под навесом вода стекала с края кровли прямо на асфальт и разбивалась на мелкие брызги. Экран загорелся в ладони белым прямоугольником; на тёмном фоне салона имя Рената выглядело особенно отчётливо. Я невольно взглянул туда, где за ограждением скрывался вход в северное крыло. Иды уже не было видно.

Вместо решения я выдал себе отсрочку. Завтра после завтрака пойму, что происходит. Потом — после архива. Потом — когда перестанет влиять на работу. Деловой язык умеет красиво маскировать страх сделать неприятное сейчас. Снаружи мимо проехал грузовой фургон, шины прошуршали по лужам. Отблеск его фар прошёл по лобовому стеклу и пропал. На экране телефона курсор стоял в пустом поле ответа. Я даже набрал первые две буквы сообщения, которое следовало отправить, но удалил их, прежде чем они превратились в слово.

Я написал Ренату: «Работаем». Телефон остался у меня в ладони. Сообщение от Рената никуда не делось; рядом попрежнему стояло время получения. Я мог ответить прямо сейчас. Вместо этого смотрел на отражение мокрого ограждения в боковом зеркале и выбирал срок, которого никто у меня не просил.

Слово выглядело безобидно. Ида его не видела. В моей голове спор и настоящая симпатия уже лежали в разных папках, будто разделение названий меняло содержание.

Я ещё не называл это ложью. Говорил себе: неполная

информация до уточнения обстоятельств. Телефон коротко мигнул отметкой об отправке. Я перевернул его экраном вниз, оставив чехол на холодной обивке сиденья.

Корпоративная формулировка трусости звучит почти профессионально.

Глава 7. Ида. Завтрак, который не считается

«Тесто» открывалось в семь тридцать. К восьми там пахло корицей, маслом и нормальной жизнью людей, которым не приходит в голову обсуждать инвестиционные раунды до первой чашки кофе.

За витриной ещё двигались силуэты пекарей: один снимал с металлического стеллажа противни, другой расставлял на прилавке ценники. Кофемашина недовольно фыркала, будто её разбудили раньше положенного. Утренние прохожие шли вдоль стекла быстрым шагом, пряча подбородки в шарфы. Здесь, в двух метрах от мокрого тротуара, постепенно становилось тепло; можно было смотреть, как темнеет корочка на выпечке, и какое-то время ни за что не отвечать.

Савва появился у двери в семь двадцать восемь. Через стекло я увидела пальто, тёмные волосы и короткую проверку вывески, будто он сверял адрес встречи с условиями тендера. Водителя рядом не было. Телохранителя тоже. Для человека его уровня это, видимо, считалось путешествием без сопровождения.

Он остановился под козырьком и убрал телефон во внутренний карман. За его спиной прошёл курьер с большой тер-

мосумкой, задел плечом косяк, выругался себе под нос. Савва посторонился, пропуская его, а потом снова посмотрел на вывеску. Я видела это через витринное стекло и с трудом удержалась от желания постучать по нему: да, вы попали по адресу, здесь действительно продают пироги, без отдела согласования и службы протокола.

Я заняла стол у окна. Савва сам купил кофе, мне чай и два пирога, предварительно спросив, что я ем. За вопрос я мысленно дала ему балл. За отсутствие комментариев о количестве еды — ещё один. Хорошая система: потом будет особенно приятно снять всё за одну наглость.

На столешнице остался липкий след от сиропа; я подложила под локоть салфетку, чтобы не испачкать рукав. Савва снял пальто и повесил его на спинку стула, вместо того чтобы осмотреть зал в поисках человека, которому можно было бы поручить эту операцию. За прилавком щёлкнули щипцы; из открывшейся печи вышел горячий воздух, и я перестала жалеть, что согласилась на встречу в такое бесчеловечное время.

— Завтрак не считается свиданием.

Он поставил поднос на стол.

Чашка с чаем оказалась горячей даже через блюдце. Один пирог был с румяной, неровной корочкой; у второго из надреза выглядывала начинка. Савва оставил поднос ближе ко мне, сам сел напротив, не сдвигая наши стулья и не пытаясь сократить расстояние. Между нами оставалось место для

двух тарелок, салфеток и всех условий, которые мы ещё не успели друг другу предъявить.

— Внеплановое совещание с углеводами.

Формулировка меня устроила.

Я разломила пирог над бумажной тарелкой. Тесто рассыпалось крупными тёплыми хлопьями, несколько крошек упало на схему работ, которую я уже собиралась достать из сумки. Савва молча подвинул мне чистую салфетку. Я решила не принимать это за романтический жест. У человека был вполне деловой интерес: не допустить попадания жира на документацию.

Большую часть времени мы действительно говорили о северном крыле. Мне нужно было проверить архивный план, ему — понять, насколько глубоко находка полезет в инженерную схему. Я объясняла на салфетке старый проём, вентиляционный канал и возможный маршрут лестницы. Савва задавал вопросы, после которых нельзя отделаться общими словами. Он хотел понимать, за что именно ему предлагают платить.

Бумажная салфетка быстро перестала напоминать бумагу. Сначала я провела прямоугольник предполагаемого проёма, затем перечеркнула линию, где он не совпадал с существующей стеной. От чашки на углу остался влажный круг. Пришлось придерживать схему двумя пальцами, чтобы она не свернулась трубочкой. Савва развернул её к себе и попросил показать, где гипотеза кончается и начинаются факты.

Я обвела одну часть рисунка, другую оставила открытой. На объекте это различие легко могло стоить нескольких недель и чужих денег.

Я поймала себя на том, что рисую четвёртую стрелку и уже не раздражаюсь из-за необходимости объяснять очевидное. Мужчина слушал специалиста, не дожидаясь своей очереди продемонстрировать знания. В моей сфере такое поведение заслуживает охранного статуса.

В этот момент через дверь вошёл Тихон Арденов.

Колокольчик над входом звякнул резко и одиноко. Я узнала Тихона ещё до того, как он снял шарф: по размашистому шагу и привычке задерживаться у стен с фотографиями, даже если забежал всего на минуту. Он стряхнул с рукава несколько капель и заметил меня у окна. Я уже подняла руку, когда поняла, что Савва смотрит не на вход, а на моё лицо.

Мы учились вместе, потом встречались на объектах. Сейчас он работал архитектором в бюро с доступом к городским фондам и участвовал в историко-культурных исследованиях. Тихон увидел меня, подошёл и обнял.

Тихон обнимал по-дружески, легко, как человек, который помнит тебя в строительной каске, перепачканную штукатуркой и злую на кривую обмерную рейку. От него тянуло холодом улицы. Я отступила, освобождая проход между столиками, и увидела, как Савва выпрямился на стуле. Незаметная перемена, если не знать, сколько усилий этот человек обычно тратит на то, чтобы никак не менять позу.

Савва перестал размешивать кофе. Ложка осталась в чашке.

Я представила мужчин. Тихон, конечно, знал фамилию Корина. Савва быстро понял, кто перед ним, и включил вежливость, от которой обслуживающий персонал обычно начинает проверять запасные выходы.

Тихон рассказал: в архиве нашлось расхождение между планом 1912 года и послевоенной фиксацией. Есть шанс, что сохранилась фотография северной лестницы до переделки. Он собирался в фонд после девяти и предложил мне присоединиться.

Он не стал полагаться на память и открыл на телефоне номер архивного дела. На экране светилась строка каталога; ниже шли пометки, по которым я могла понять лишь, что материалы относятся к разным этапам перестройки. Тихон приблизил экран, я подалась вперёд. Край моего рукава задел блюдце, и чай качнулся почти до края. Савва придержал его прежде, чем я успела отдёрнуть руку, но ничего не сказал. Профессиональная находка мгновенно вытеснила из головы и пироги, и утреннюю неловкость.

Я согласилась.

— Я тоже приеду, — сказал Савва.

— Зачем? — спросила я.

— Объект мой.

Тихон посмотрел на него поверх моей салфетки.

— Архив городской.

У стойки заработала кофемолка, на несколько секунд поглотив возможное продолжение разговора. Оба дождались, пока стихнет гул, и ни один не отвёл взгляда первым. Я успела доесть кусочек пирога. Если очень постараться, можно было представить, что передо мной два взрослых человека, обсуждающих исследование памятника, а не право находиться со мной в одном помещении.

Я откусила пирог и решила не вмешиваться, пока никто не начал делить земельный кадастр прямо на столе.

Тихон ушёл первым. Савва вытащил ложку из давно размешанного кофе и положил на блюдце с ненужной аккуратностью.

Когда за ним закрылась дверь, у окна стало светлее: Тихон по пути успел заслонить собой добрую половину утреннего солнца. Савва смотрел на улицу, где тот остановился у пешеходного перехода, и лишь после этого повернулся ко мне. Кофе давно перестал дымиться. На блюдце лежала крошечная лужица, оставленная ложкой, — единственный след его раздражения, который удалось обнаружить без специального оборудования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.